

Пётр Иосифович Оркнейский

Про рыбу
и не только...

Петр Оркнейский

Про рыбу и не только...

«Автор»

2025

Оркнейский П. И.

Про рыбу и не только... / П. И. Оркнейский — «Автор», 2025

Сборник сатирических и весьма поучительных рассказов от современного автора, приносящего свежую нотку в медицинский, армейский (флотский) юмор и в жанр экскурсионного рассказа. Лёгкий, слегка ироничный стиль повествования позволяет читателю окунуться в спектр переживаний главных героев.

© Оркнейский П. И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

По стопам классиков	5
Краткие истории из учебной и служебной жизни	6
Про учебные занятия	7
Про них же	8
Про офицера	9
Про недопонимание	10
Про ботинки	11
Про УКОПП	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Петр Оркнейский

Про рыбу и не только...

По стопам классиков

Начало этой истории стоит отнести к одной из тех ночей, когда мысли в голове бегают по кругу, при этом меняя направление и некоторую скорость с тематикой в зависимости от давления на подушку правого или левого уха. Так вот, посетила меня при одном из положений головы мысль сформулировать афоризм на злобу дня и с учетом моего анамнеза. И понеслась чехарда обрывков сюжетов и описательных слов к ним. Долго или коротко продолжалась эта свистопляска, но по итогу мной ЛИЧНО был сформулирован многозначительный постулат: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся животные». С тем я преспокойно забылся сладким сном.

Утром, пробудившись, меня некоторым образом стали одолевать смутные сомнения... Нет, ну я, конечно, познакомившись со множеством людей, их образом мыслей и сферой деятельности, потерял веру в человечество, и это дорого стоит, но все-таки... В поисках истины вскоре было обнаружено, что выражение «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки» принадлежит Генриху Гейне, немецкому поэту. Кроме того, на эту фразу, ставшую крылатой, русский поэт А. Федотов написал стихотворение «Охота», часто звучавшее в конце XIX – начале XX веков на литературных вечерах, в конце которого были строки: «Чем больше жизнь я изучаю, тем больше я люблю зверей». Ну, и в довершение, одна из версий авторства этой фразы гласит: когда Эзопу пеняли на то, что он в своих баснях заменяет людей животными, тот отвечал: «Чем больше узнаю людей, тем больше я люблю животных».

Ничего не напоминает? А вот мне напомнило – Илья Ильф и Евгений Петров в гениальном произведении «Золотой теленок» словами Остапа Бендера: «Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить вечную иглу для примуса. Вы знаете, Адам, я не купил. Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно. Я хочу умереть. У меня налицо все пошлые признаки влюбленности: отсутствие аппетита, бессонница и маниакальное стремление сочинять стихи. Слушайте, что я накропал вчера ночью при колеблющемся свете электрической лампы: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Правда, хорошо? Талантливо? И только на рассвете, когда дописаны были последние строки, я вспомнил, что этот стих уже написал А. Пушкин. Такой удар со стороны классика! А?»

ВОТ УЖ УДАРЫ ОТ КЛАССИКОВ... А?

Краткие истории из учебной и служебной жизни

За время обучения в военно-медицинском учебном заведении произошло множество забавных, смешных и не очень историй. Не все из них сохранились в памяти, а некоторые вспоминаются только при встрече однокурсников. Однако некоторые происшествия до сих пор помню отчетливо, их и расскажу.

Про учебные занятия

В одной группе со мной учился прекрасный товарищ, хороший доброжелательный человек Леонид. Он был родом из одного южного города и происходил из семьи потомственных врачей. Его отец был видным оториноларингологом всего региона. Следует отметить, что и наш герой в дальнейшем стал знаменитым оториноларингологом, доктором медицинских наук и профессором. На момент повествования он – студент первого курса факультета подготовки врачей для военно-морского флота.

История эта случилась на занятиях по латинскому языку. Обращаясь сначала к группе курсантов, а затем персонально к Леониду, преподаватель просит перевести на русский с греческого или латинского некоторые врачебные специальности (например, гинеколог – от греч. *gune* женщина и *logos* наука – специалист по женским болезням).

«Итак, Леонид, кто такой оториноларинголог?» – спросила преподаватель.

«Мой папа», – несколько смутившись, ответил Леня.

И широкая улыбка разлилась по лицам товарищей.

Про них же

Еще один запомнившийся диалог произошел на кафедре гистологии, на одном из занятий, которые у нас вел заслуженный преподаватель, кандидат наук, доцент, который так видимо гордился этим высоким научным званием, что требовал обращаться к нему исключительно «товарищ доцент».

Мы рассматривали в микроскоп гистологический препарат, делали записи в рабочие тетради, формулируя по определенной схеме описание препарата. Все в полутемном кабинете сидят, уткнувшись одним глазом в окуляры микроскопов, кистью левой руки крутят винт настройки фокуса и одновременно правой рукой вносят данные в тетрадь. Следует отметить, что это первый курс, нагрузки, помимо учебных, огромные и иногда совершенно бестолковые (так, например, мы раз в неделю к пяти часам утра ходили пешком с Выборгской на Петроградскую сторону в баню, еще раз в неделю и опять к пяти утра мы ходили в бассейн). В восемь часов утра, перед занятиями, был плотный завтрак. Соответственно, учитывая специфическое динамическое действие пищи, молодость организма и физические нагрузки, нашим основным желанием, помимо желания стать врачами, было настоящее мужское желание спать. Мы засыпали в любой позе при любом удобном случае. А чем не случай: в полумраке и тишине уткнуться надбровной дугой в окуляр и, закрыв глаза, погрузиться в сладкий сон... при этом рука автоматически крутит винт настройки фокуса, а вторая выводит каракули на тетрадном листе. И тут главное – чтобы предательски не потекла слюна, или не прорвался храп. И вот, среди этой идиллии, раздается голос доцента: «Товарищ курсант Леонид, что вы скажете о структурно-функциональных особенностях аппарата Гольджи?» Все притаились. Леонид, оторвав голову от микроскопа, слабым, тихим голосом говорит: «Товарищ доцент, я сегодня, вероятно, не смогу ответить на ваш вопрос. У меня что-то с головой». Товарищ доцент с искренней заинтересованностью и сочувствием (он ведь все-таки врач, кроме того, во время занятий несет ответственность за слушателей): «Что у вас с головой, товарищ?» «У меня перхоть», – застенчиво, с детской непосредственностью, произносит Ленья. В этот момент мы окончательно проснулись.

Про офицера

В 1991 году мы были курсантами первого курса прославленного в веках военно-медицинского учебно-лечебного учреждения. Как и положено, проживали в казарме, находившейся на четвертом этаже здания на Выборгской стороне, ограниченном улицей Короткова, двором дома по Лесному проспекту, двором кафедры авиационной и космической медицины и двором кафедры нормальной физиологии, автопарком, выходящим на пр. Карла Маркса (Большой Сампсониевский проспект). В этом здании, имеющим форму пятиугольника, размещались: управления факультетами подготовки врачей для военно-морского флота и военно-воздушных сил, буфет, кафедра физической подготовки и спорта, а также казармы курсантов первых курсов и общежития более старших. Вы, конечно, знаете, как называют здание, которое имеет пять углов. Ну, конечно, «пентагоном».

В нашем «пентагоне» был внутренний двор со сквериком, скамейками и турниками, а еще парковка для автомобилей руководства факультетов и начальников курсов. В тот период несколько офицеров приобрели новые отечественные автомобили. С необычайным трепетом они холили и лелеяли свои машины, сдували с них все пылинки.

Как правило, в конце рабочего дня по старой флотской традиции начальник факультета собирал совещание для подведения итогов дня и постановки задач на следующий. После совещания основная часть офицеров на личном автотранспорте выдвигалась «в сторону моря» – домой, значит, или по делам. Окна казармы и многих кубриков общежития выходили во двор, и, прильнув к окнам, часть курсантов наблюдала, в предвкушении относительной свободы, процесс убытия начальников.

В описываемый день одним из первых на парковке оказался п/п-к м/с Ш-ко. Он вышел, шустро сел в машину, завел на прогрев. Минут через пять-семь во двор вышла группа офицеров под предводительством п-ка м/с К. И тут, на глазах у изумленной публики, и ведь никто не ожидал такой прыти, п/п-к м/с Ш-ко на своей машине резко дает задний ход с поворотом руля и... с жутким скрежетом и лязгом металла распахивает от крыла до крыла бочину машины п-ка м/с К. Все замерло. Даже птицы перестали петь. Над «пентагоном» нависла зловещая тишина. П/п-к м/с Ш-ко, начиная осознавать весь ужас произошедшего, выскочил из машины и чрезвычайно шустро и ловко, преодолевая препятствия в виде кустов и скамеек, прошмыгнул на противоположную сторону двора. Дикий рев огласил окрестности:

«Товарищ Ш-ко! Вы му*к!» – громогласно вопил п-к м/с К.

«Я не му*к, я советский офицер», – визгливо отвечал ему с другого края двора, из-за кустов, проштрафившийся п/п-к м/с.

«Это одно и то же», – махнув рукой, гаркнул п-к м/с К.

Так, на героических примерах, мы постигали науку побеждать.

Про недопонимание

Раз уж вспомнился «пентагон», внутренний его двор и п-к м/с К., то не лишним будет рассказать историю про недопонимание знаков. Поясню. На въезде во двор управления факультета был устроен контрольно-пропускной пункт или просто КПП с «вертушкой» на проходной и воротами в арке. На КПП круглосуточно дежурил наряд курсантов в количестве трех особей. Один из них был курсант со званием старшина какой-либо статьи. В обязанности старшего входила встреча и проводы начальства с докладом о событиях и происшествиях. В один из дней и в одно из дежурств моего товарища произошло описываемое действо.

Уже знакомый нам п-к м/с К-ж начал движение на своем автомобиле с парковки во внутреннем дворе в сторону ворот КПП, а расстояние между точками составляет метров 25. Увидев приближающуюся машину начальника, дежурный по КПП оповестил диким воплем старшего смены, а тот, в свою очередь, бросился к воротам с докладом, но по пути слегка замешкался, и ворота открылись не сразу... Означенный начальник-полковник притормозил у ворот и, в ожидании, начал опускать стекло водительской двери. Ждать пришлось секунд десять-пятнадцать, однако навстречу спешащему с докладом старшине из окна машины показалась кисть левой руки п-ка м/с, показывающая «знак виктории» выставленными указательным и средним пальцем. Старшина без доклада вытянулся по стойке «смирно» и, приложив ладонь к козырьку, отчеканил:

«Есть два наряда вне очереди!»

Из окна появилось лицо защитника Отечества со словами:

«Нет, сынок, это пять, пять суток ареста!»

Вот это, я вам скажу, был разрыв шаблонов, вызванный несоответствием вины и наказания. Ну, ничего, зато есть, что вспомнить.

Про ботинки

Отдельной страницей жизни курсантов проходит взаимодействие с гарнизонным патрулем. И это как заступление в гарнизонный патруль, так и встреча с ним в повседневной жизни, например, в увольнении.

Следует отметить, что жизнь и учеба курсантов и слушателей в военно-медицинском заведении некоторым образом отличается от таковой у курсантов других военно-учебных заведений страны. Так, например «казарменное» положение у «медиков» хоть и считается, что два года, на самом деле – один, а для прошедших армию или женатых курсантов и вовсе отсутствует. Учебные базы разбросаны по всему городу, курсантам и слушателям выдают специальный документ – «бегунок», подтверждающий разрешение свободного выхода в город. Учитывая постоянные перемещения по городу, курсанты-медики часто сталкиваются с гарнизонным патрулем и получают замечания.

Нашим начальником курса был дан строгий наказ: обо всех замечаниях ему своевременно докладывать, для оперативного «решения вопроса» об исключении его курсантов из списков нарушителей. Стоит ли говорить, что подобное «решение вопросов» занимало значительную часть служебного времени начальника и стоило ему немалых нервно-психических усилий и, соответственно, затрат.

Гарнизонный патруль, на дежурство в который заступают курсанты и офицеры – слушатели военных академий или офицерских курсов, имеет целью контроль поведения и внешнего вида военнослужащих на территории гарнизона, в нашем случае Санкт-Петербургского, а по факту зачастую просто занимается поиском поводов «сделать план по замечаниям», придраться к находящемуся в увольнении курсанту, ведь ловить настоящих нарушителей сложно, да и опасно. Ну это, впрочем, как везде и всегда.

Офицеры, приезжающие на учебу в Северную столицу, жили в общежитиях. Во времена юности и формирования личности они сами проходили обучение в военных училищах с четырьмя годами в казарме, затем отправлялись служить в отдаленные гарнизоны на первичные офицерские должности, и их жизнь опять была зачастую связана с казармой и кучей ограничений в перемещении. Вероятно, с этим была связана некоторая диковатость представителей данного класса военнослужащих.

Описав заданные параметры окружающего времени и пространства, перехожу к истории, которая произошла в один из зимних дней, в период сдачи зимней сессии. Как известно, при подготовке к сессии особое внимание уделяется не только знаниям, но и внешнему виду, а потому на экзамены мы приезжали (приходили) в самом лучшем виде и с отменной выправкой. И тот злополучный день не стал исключением. Я был чист душой и телом, прекрасно по всем правилам экипирован и даже одел свежевыванные новые ботинки. Обычно флотские повседневные ботинки имеют шов по ранту, обувь этого вида достаточно элегантна, удобна для ноги, поэтому пользуется наибольшей популярностью. Но у тех ботинок, полученных со склада, вероятно, по причине нововведений, было необычное устройство подошвы: она была только приклеена и не имела прострочки по ранту. Данное обстоятельство меня некоторым образом расстраивало, так как в обстоятельствах постоянно мокрой питерской погоды, плохой уборки улиц от снега и применения всяческих реагентов, такая обувь могла быстро прийти в негодность (подошва могла запросто отклеиться).

Жил я в то время в Сосновой поляне и добирался до места учебы на электричке, приходившей на Балтийский вокзал. Вокзалы, как известно, – излюбленное место обитания воинских патрулей. В связи с этим мои встречи с ними были регулярными, и я частенько возвращался на факультет, чтобы сообщить начальнику курса о встрече с патрулем и возможных замечаниях. День экзамена этой зимней сессии пятого года обучения не стал исключением.

Удачно, одним из первых сдав предмет на твердую четверку, после экзаменационной процедуры, уже часов в одиннадцать утра я направился в сторону дома и не миновал Балтийского вокзала. Там, в буфете, я, приобретая бутылочку «Баварского эля» (отменный был напиток, выпускавшийся пивзаводом «Вена»), обратил внимание, что ко мне движется курсант из гарнизонного патруля. Подошедший курсант второго курса, уже не помню какого морского училища, со всем уважением пригласил меня пройти с ним на улицу, где нас ожидал в беспокойном нетерпении начальник патруля майор-ракетчик, вероятно, слушатель артиллерийской академии. Поместив заветную бутылку эля в портфель-дипломат, расплатившись с буфетчиком, я в сопровождении курсанта вышел навстречу майору.

Лицо начальника гарнизонного патруля, хотя и было одутловатым, местами побитым оспинами и с синюшными кругами под мелкими эритематозными глазками, светилось от предвкушения расправы. Представившись по всей форме, по требованию майора предъявил документы, включая военный билет и вкладыш в него (заламинированный «бегунок», подтверждающий законность моего нахождения и перемещения в городе). Долго и с нескрываемым недоумением рассматривая мои документы, майор попросил представить ему «увольнительную». Пришлось пояснять, что у него в руках и есть ее аналог, но более весомый. На лице начальника читалось недоумение от непонимания, и было видно, что это его раздражает. Далее, держа документы в руках, майор начал пристально и с пристрастием меня рассматривать. Но я уже упоминал, что экзамен – это святое, и на него мы шли как на праздник. Придаться к внешнему виду или несоблюдению формы одежды было сложно, и это еще более беспокоило «товарища». Далее между нами произошел следующий, с позволения сказать, диалог.

Майор с пренебрежением и нескрываемым чувством превосходства: «Куда и с какой целью направляетесь?»

Я: «Еду домой после сдачи экзамена».

Майор в полном недоумении: «Как домой, куда?»

Я: «Я живу с семьей в Сосновой поляне, сдал экзамен и еду домой».

Майор с непониманием и раздражением: «Сдал экзамены на «отлично» и отпустили в увольнение?»

Я: «Нет, сдал экзамен на «хорошо» и еду домой отдыхать и готовиться к следующему».

Майор: «Что?»

Я: «Сдал экзамен по одному предмету на «хорошо» и еду домой отдыхать и готовиться к следующему экзамену по другому предмету».

Майор с растерянностью: «Как?»

Я: «Товарищ майор, докладываю! Сдал экзамен на «хорошо»! Направляюсь домой, у меня в Сосновой поляне квартира, я там живу».

Задним умом я сейчас понимаю, что несчастный майор приехал поступать в военное училище из какого-то Богом забытого уголка необъятной страны, юность провел в казарме, служит в отдаленном гарнизоне, квартира, в лучшем случае служебная или съемная, а может, и скорее всего, общежитие коридорного типа, вырвался на учебу в АКАДЕМИЮ!!!, а тут...

Продолжим описание действия и диалога.

Майор, скривившись лицом: «Кругом!»

Отточенным строевым приемом поворачиваюсь. Стою, чувствую взгляд майора на своем затылке. Пауза затянулась. И...

«Товарищ курсант, где подошвы?» – почти переходит на крик майор.

Напомню, что я давно переживал за свои подошвы, волновался, что из-за слякоти они могут отклеиться. В этот момент я подумал, что мои опасения оправдались, и подошвы ботинок все-таки отвалились. Слегка расстроившись, я опустил голову и посмотрел на ботинки, носы которых были немного покрыты мокрым снегом. Притопнув и отряхнув снег, внимательно присмотрелся к подошвам. Но они оказались на своих местах, у меня отлегло от сердца.

«Вот они», – немного приподняв одну ногу, с некоторой радостью сказал я.

«Нет, где те подошвы, которые здесь были раньше?» – продолжал майор.

Я без команды повернулся к майору и с полным непониманием спросил: «Что значит были раньше? Это «родные» подошвы ботинок».

«Товарищ курсант, вы срезали подошвы, чтобы быстрее бегать! Делаю вам замечание!» – торжествующе заявил начальник патруля.

«Какое замечание? С какой формулировкой?» – с искренним недоумением переспросил я.

«За отсутствие подошв у ботинок», – уверенно произнес майор.

Патрульные курсанты с плохо скрываемым отвращением и безгловостью, хотя и с некоторой настороженностью, смотрели на своего начальника.

«Есть замечание за отсутствие подошв у ботинок», – ответил я бодро и продолжил: «Товарищ майор, позвольте узнать номер вашего маршрута?»

Это был удар ниже пояса. У всех начальников патрулей было предписание с маршрутом патрулирования и временем нахождения на маршруте, нарушение предписания строго наказывалось, допускалось лишь незначительное отклонение от маршрута. Майор был вне себя от негодования, желваки ходили по его раскрасневшемуся лицу, на покрытом потом лбу вздулась вена, рука непроизвольно тянулась к пустой кобуре. Он был не на своем маршруте и в неподходящее время находился на Балтийском вокзале. Я это понял, а он понял, что я понял. Он знал, что, назови он номер, и его постигнет наказание. Ему, как нашкодившему дошколенку, придется искать оправдание. Багровый от переживаний майор быстрым движением отдал мне документы, развернулся и спешно зашагал в сторону метро. Патрульные курсанты засеменили за ним, продолжение дежурства с этим майором не сулило им ничего хорошего.

Ну, а мне пришлось также направиться к метро, ведь было необходимо, в соответствии с договоренностями, доложить начальнику курса о встрече с патрулем и возможном замечании. Заметив мое движение вслед за собой, майор сначала прибавил скорости, а затем резко остановился и, обращая ко мне, грубо гаркнул: «Держитесь от меня подальше и не смейте преследовать меня!» Я пожал плечами, немного подождал у входа на станцию и направился на доклад.

Все закончилось благополучно, но остался некоторый негативный осадок от «неблагодарности» моего начальника курса: после доклада про «отсутствие подошв у ботинок», он меня пожурил и велел «прекратить свои дурацкие шуточки». А какие это шуточки, если, пока я стоял спиной к майору, он записал мои данные и сформулировал замечание: «Отсутствие подошв у ботинок», и в таком виде через некоторое время замечание достигло факультета. Но все было хорошо, а будет еще лучше!

Про УКОПП

Если вы будете в России и приедете в Санкт-Петербург, а там окажетесь на Большом проспекте Васильевского острова, то обязательно обратите внимание на очень красивую церковь в русско-византийском архитектурном стиле. Это церковь Милующей иконы Божией Матери. Храм заложили по заказу Морского ведомства в 1889 году в память коронования Александра III и Марии Федоровны, а в 1898 году состоялось его освящение, и начались церковные службы. Следует отметить, что в период с 1899 по 1900 годы в данной церкви в качестве проповедника выступал, вошедший в историю России в связи с кровавыми событиями 1905 года, Георгий Гапон. Важным обстоятельством является то, что храм возведен на территории Дерябинских казарм, которые первоначально были зданиями винокуренного завода, принадлежавшего горному инженеру Андрею Федоровичу Дерябину (родился 2 октября 1770 года, умер 26 июня 1820 года, российский государственный деятель, член Берг-коллегии, руководитель Департамента горных и соляных дел и Горного кадетского корпуса, начальник Гороблагодатских, Камских и Богословских заводов). В 1825 территория со зданиями передана Морскому ведомству, в период с 1826 по 1828 годы здания завода были перестроены под казармы для нижних чинов флота. После весьма трагических событий октябрьского переворота 1917 года казармы использовались для временного содержания заключенных. С февраля 1918 года в них был устроен один из лагерей особого назначения, где в 12-ти камерах содержалось более 1000 человек, в том числе заложники периода «красного террора». В 1932 году церковь закрыли. В сороковых годах XX века Дерябинские казармы были предоставлены под размещение «Либавского учебного отряда подводного плавания», в советское время «Учебный Краснознаменный отряд подводного плавания имени С.М. Кирова» (УКОПП) – российского военного учебного заведения, основанного 27 марта (9 апреля) 1906 года в городе Либава, Курляндской губернии Российской империи, готовило в офицерском классе командиров подводных лодок, а также специалистов младшего командного и рядового составов в школе рядовых для подводного флота России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.